

Фреймирование и рефрейминг как стратегии конституирования реальности

Статья посвящена философскому осмыслению природы реальности. Автор утверждает, что реальность формируется во взаимодействии реального и воображаемого. В основе данного взаимодействия лежат стратегии фреймирования и рефрейминга, конституирующие как модели социальных взаимодействий, так и природу социальной реальности.

Ключевые слова: реальность, теория фреймов, фреймирование, рефрейминг, стратегия, реальное и воображаемое.

Summary

The article is devoted to the philosophical investigation of the reality. The author assumes that the interaction of the real and the imaginary constitute the reality. The strategies of framing and re-framing are the foundations of the models for social interactions and social reality nature as well.

Keywords: reality, theory of frames, framing, reframing, strategy, real and imaginary.

Данная статья посвящена осмыслению некоторых процессов, происходящих в современном обществе. Тезисы «конца социального», кризиса сознания, «смерти автора» и т.п. находят свое отражение не только в философии – они пронизывают собой и сознание каждого отдельно взятого человека. В сознание людей все с большей силой проникает чувство недоверия: недоверия к реальности, к картине мира, к господствующим установкам мышления, к стратегиям власти и самое страшное – к самому себе. Недоверие, симптоматичное для всего современного общества (речь может идти, в частности, о: недоверии к политикам, просачивающейся в новостных лентах информации, моделям повседневного взаимодействия, т.н. «общественному мнению», «экспертным» заключениям и всему тому, что еще пару десятилетий назад вообще не подвергалось рефлексии), приводит к тому, что непосредственная реальность начинает восприниматься самими людьми как виртуальная. Это приводит порой к удивительным явлениям: победе на политических выборах

кандидата «Против всех» (человека, не имеющего собственной политической программы и заведомых шансов на победу, но резко контрастирующего с образом «политика по профессии»), активным действиям вокруг судьбы государства со стороны «диванных войск», чьи ряды с каждым годом все пополняются (речь идет об ордах интернет-пользователей, владеющих самыми разными представлениями о реальности и не стесняющихся их публично ретранслировать), банковским кризисам, вызванным массовыми представлениями людей (о неизбежном падении курса валют, политическом вмешательстве в банковскую сферу, отзыве лицензии у отдельно взятого банка), и многому другому. Такого рода явления прямо показывают нам, насколько общество подвержено разного рода инфекциям (что было замечательно проиллюстрировано Г. Блумером [3, 94]), и корень их – в виртуальном реальном как основе социального.

Повседневное существование человека все больше напоминает собой лабиринт между пластами реального и воображаемого, причем процессы современности характеризуются тем, что реальное воспринимается людьми зачастую как воображаемое (отсюда: многочисленные концепции игры в социальной теории), тогда как заведомо воображаемое все больше тяготеет к осознанию реальности. Так, складывается своеобразная диалектика реального и воображаемого, характеризующая то, что принято обозначать в социальной теории (впрочем, как и в повседневном мышлении) под словом «реальность».

Диалектика социального бытия: реальное и воображаемое

Социальная реальность и способы ее восприятия являются одним из основных объектов изучения социальной философии. Если существование общества и даже социального субъекта еще можно поставить под сомнение, то существование социальной реальности – то самое априорное суждение, благодаря которому возможна социальная философия как таковая. Учитывая характер социальных отношений внутри современного общества, мы вынуж-

дены констатировать, что в ситуации современности кардинально меняется не только подход к реальности, но и восприятие реального самими участниками социальных взаимодействий. Реальность утрачивает свой «сакральный» статус, знания о реальном (истинном положении дел и вещей) становятся достоянием каждого члена общества, вне зависимости от его доступа к конкретным областям знания или места в социальной иерархии. В деидеологизированном (на первый взгляд) обществе реальность обнаруживает свое существование опосредованным образом: через пропагандируемые социальные нормы и запреты, через институты образования, посредством обращения к социальной памяти и т.д. Одна из основных ролей в этом процессе принадлежит коммуникативной сфере, медиаторы которой (СМИ, телевидение во всех его ипостасях, и, конечно же, интернет как сеть опосредованного общения) создают мир образов, мир воображаемых событий и установок, претендующий на адекватное отображение реальности. Реальность все больше приобретает воображаемый, симулятивный характер.

Интересные размышления о природе реальности мы можем встретить у Ж. Бодрийяра. Бодрийяр пишет: «Само определение реальности гласит: это то, что можно эквивалентно воспроизвести. Такое определение возникло одновременно с наукой, постулирующей, что любой процесс можно точно воспроизвести в заданных условиях, и с промышленной рациональностью, постулирующей универсальную систему эквивалентностей (классическая репрезентация – это не эквивалентность, а транскрипция, интерпретация, комментарий). В итоге этого воспроизводительного процесса оказывается, что реальность – не просто то, что можно воспроизвести, а то, что всегда уже воспроизведено. Гиперреальность» [4, 151]. Гиперреальность для Бодрийяра – это такой способ переживания реальности, в котором начисто стираются противоречия между реальным и воображаемым. Это реальность, в которой репрезентация заменяется на симуляцию, обладающую ярко выраженным воображаемым, галлюцинаторным характером. Реальное и воображаемое сливаются воедино, они больше не могут существовать друг без друга. Так

формируется особый способ социального бытия, формирующий в целом картину мира современности.

Бодрийяр выражал соотношение между реальным и воображаемым следующей формулой: «Коэффициент реальности пропорционален запасу воображаемого, которое и придает ей удельный вес» [4, 152]. На самом деле, нельзя установить ни одним из методов, какая доля воображаемого содержится в реальном, также как нельзя и установить никаких четких границ между первым и вторым. Скорее, речь должна идти о своеобразной диалектике социального бытия, формируемой синтезом реального и воображаемого. Проблема заключается в том, что этому синтезу нельзя дать никакого определения, нельзя даже выстроить систему координат или категорий. Синтез этот является воплощением социальной реальности, при этом речь скорее идет о существовании, нежели о сущности.

Реальность, о которой идет речь, формируется зачастую посредством механизмов пересказа. Французский философ М. де Серто прямо обозначал современное общество как «Общество пересказа»: «Наше общество стало обществом пере-сказа в трех смыслах: оно одновременно определено рассказами (*recits* – это басни наших реклам и информационных источников), упоминанием рассказанного (*citations*) и их бесконечным пересказыванием (*recitations*)» [7, 308]. Это общество, ориентированное на прерогативу «общественного мнения», опирающееся на цитирование авторитетных мнений, слишком легковерно утверждающее ценность реального. Всему этому мы находим подтверждение в современности: небывалое распространение за последние годы многочисленных обществ зоозащиты, экологических движений, благотворительных фондов самых разных целей и размеров напрямую свидетельствует о тяге людей к подлинной реальности, затерянной некогда в процессуальности повседневных забот и переживаний. Реальность для людей современного общества приобретает в некоторой мере мазохистский характер, нуждаясь для обнаружения своего собственного существования в постоянных отсылках к травматическому опыту. И такой опыт в изобилии предос-

тавляется нам (в очередной раз) «медиаторами» реальности. Реальность таким образом замыкается на саму себя: для того, чтобы выйти за пределы мира воображаемых значений, требуется войти в иной мир, принимающий все тот же воображаемый характер. Говоря словами де Серто: «Реальное» – это то, во что в каждом конкретном месте заставляет верить референция к другому месту» [7, 310].

Основной тезис, на котором мы будем настаивать: реальность не просто дается субъекту социального взаимодействия; она производится, переживается им, трансформируется и переописывается. Реальность являет собой как результат, так и сам процесс социальной деятельности. Принимая во внимание тезис о том, что реальность неизбежно конструируется, мы должны будем установить: согласно каким стратегиям протекает этот процесс?

Фреймирование: путь к воображаемому

Одной из наиболее сильных стратегий по конструированию воображаемой реальности и установлению круга воображаемых значений является фреймирование. Под фреймом мы будем понимать вслед за Гофманом интерпретационные схемы, т.е. перспективу восприятия, создающую формальные определения ситуаций. Фреймы как правило не осознаются субъектом, поэтому работа над фреймами (фреймирование или рефрейминг – в зависимости от того, на создание фреймов направлена деятельность или на разрушение созданных кем-то ранее) – это сфера применения стратегий воображаемого. Фрейм мы можем понимать также как матрицу, некую сжатую и закодированную систему: включение в эту матрицу социальных отношений мы будем обозначать как фреймирование, выявление этой матрицы, установление воображаемого характера реального и, наконец, ее декодирование и разрушение – как рефрейминг. Сущность социальных взаимодействий такова, что нельзя вытеснить из реального определенный пласт воображаемого, не заменив его ничем иным – поэтому это дает нам право рассматривать обе

стратегии в единой связке. Каждая из них несет в себе определенные процедуры и операции другой.

О каких собственно процедурах и операциях идет речь? Для ответа на этот вопрос обратимся к Г. Бейтсону. Бейтсон дает несколько существенных характеристик фрейма, и для нас будет очень важно их отметить: 1) Фреймы обладают эксклюзивным («исключающим») характером, т.е. при включении во фрейм ряда сообщений неизбежно отсекается ряд других. 2) Фрейм является также и инклюзивным. Принцип прямо противоположен первому: отбрасывание ненужных нам сообщений приводит к включению во фрейм других. 3) Существование фрейма обусловлено существующей системой предпосылок, позволяющих определить, какие из сообщений следует игнорировать. 4) Фрейм – это метакоммуникативное образование: фреймированное сообщение всячески способствует правильному пониманию его получателем. 5) И обратно: Каждое метакоммуникативное сообщение определяет множество сообщений, которых оно касается. 6) Ментальные процессы нуждаются во внешнем фрейме для ограничения фона, по отношению к которому должны восприниматься сообщения. Иначе говоря, речь идет об определении логических границ фреймированного поля [2, 215–216].

Бейтсон, вводя в свою теорию понятие фрейма, прямо указывал на то, что данный концепт – сугубо психологический. Однако для нас будет важно и его социальное значение, позволяющее говорить о фреймировании и рефрейминге как о социальных стратегиях. Стратегии фреймирования характеризуют не только один из способов восприятия реальности, но также и саму реальность как таковую, как сферу конституирования воображаемых значений. Это утверждение мы находим у И. Гофмана: «Фрейм включает в себя как восприятие реальности, так и саму воспринимаемую реальность» [6, 146]. Реальность фреймирована, и именно это позволяет людям воспринимать ее в качестве реальности. Каждое новое событие субъект включает в заданную ранее систему значений, матрицу легитимизированных смыслов, благодаря

чему даже нереальные (не происходившие на самом деле) события всегда воспринимаются им как реальные.

Гофман считает, что фреймы определяют векторы любой совместной деятельности людей. Фреймами порождаются как системы релевантности, так и нормативные диспозитивы: «Сколь бы многообразными ни были формы человеческой деятельности, они регулируются фреймами, которые снабжают основных участников взаимодействия нормативной информацией о том, что должно находиться в фокусе их внимания» [6, 269]. Описывая фреймы как регуляторы человеческой деятельности, Гофман предлагает различать их по степени вовлеченности участников во фреймированную деятельность. Чем глубже эта вовлеченность – тем больший эффект оказывает фреймирование на сознание человека. И тем труднее ему выйти за пределы воображаемого реального.

Что представляет собой фреймирование как стратегия воображаемого? Прежде всего, это установление, легитимация конкретной области значений (фреймирование действует таким образом на всех уровнях социальности: от обыденного восприятия до идеологических систем). Это придание смысла разностороннему, несформированному, неразмеченному спектру представлений. За этим скрывается зачастую и рационализация деятельности, направленная на достижение наибольшего эффекта, часто вопреки затратам времени и сил субъектов. И наконец, фреймирование может вести к установлению таких парадоксальных социальных явлений, как «коллективная воля», «общественное мнение», «картина мира» и т.д.

Очень интересными представляются рассуждения о фреймировании как о политической стратегии, представленные в работах Д. Шена, М. Райна, Д. Яноу, М. ван Хульста. Исследуя фреймирование как одну из стратегий политики, Яноу и ван Хульст определяли ее следующим образом: «Фреймирование – это процесс, в котором акторы одновременно создают значения событий/ситуаций и регулируют свое поведение в данных событиях/ситуациях сообразно присвоенным им значениям. В сфере принятия политических ре-

шений создание и использование значений является скорее публичным, нежели частным действием. Здесь фреймирование предполагает (ре)конструирование проблем посредством отбора, категоризации, именования и повествования» [9, 93]. Они указывали на четыре аспекта фреймирования в сфере политического: вовлеченность в работу по производству значений; реализация посредством процессов отбора, категоризации и именования; импликация через повествование; модусы, проявляющиеся в механике конструирования смыслов. Яноу и ван Хульст настаивают на том, что люди вовлечены в процессы фреймирования все время, пусть зачастую и не осознают этого. Происходящие постоянно события каждый раз требуют «подгонки», встраивания их в картину мира, объяснения посредством устоявшихся способов смыслообразования. Так, фреймирование проявляет себя как политический и социальный процесс конституирования смысла.

Если принять на веру доводы такого характера, что фреймированием размечены все социальные процессы, любая деятельность представляет собой следование фреймам и т.д., мы неизбежно придем к дюркгеймовской концепции тотальности социального. Тем не менее, мы будем утверждать, что люди в массе своей – это не слепые марионетки, подчиняющиеся заданным нормам и правилам, оперирующие лишь заданными областями значений. Как только люди начинают ощущать монотонность своей деятельности, слепое следование образцам, безапелляционное подчинение установленным кем-то законам – они будут делать все возможное, чтобы вырваться из подобной предустановленности. С этого момента начинается процедура рефрейминга, для которой также характерны свои стратегии.

Рефрейминг: путь к реальному

Рефрейминг связан с необходимостью переосмысления и перестройки механизмов мышления и восприятия. Как только разрушаются рамки восприятия, рефлексии, устойчивых форм взаимодействия – происходит рефрейминг. Рефрейминг (в отличие от фреймирования) чаще выступает как

сознательная деятельность, связанная с самоосознанием и самовосприятием человека. Рефреймингу могут подвергаться также любые сферы реальности, любые области значений и смыслов. По убеждению И. Гофмана, «самая стойкая реальность поддается систематическому изменению, лишь бы подобрать к ней соответствующий ключ» [6, 601]. Вопрос состоит только в том, что это должен быть за ключ и где его искать (пространство исходного фрейма уже оказывается для нас закрытым, иначе рефрейминг будет неэффективным и неполным). Гофман дает ответ и на этот вопрос: «Самопроизвольный уход от реальности чаще всего проявляется только в восприятии, а не в действии, поскольку неадекватное действие немедленно вызовет корректирующую реакцию со стороны других» [6, 174]. Работа рефрейминга тем самым – это работа, связанная с восприятием людьми социальной реальности, скорее с представлениями, нежели со сложившейся системой значений.

Стратегии рефрейминга широко используются в психоанализе, нейролингвистическом программировании, сфере рекламы и услуг. За рефреймингом здесь скрываются техники, помогающие человеку взглянуть с другой (позитивной) стороны на происходящие события, получаемые сообщения, совершаемые им действия и т.д. По сути, рефрейминг предстает здесь все тем же фреймированием: сдвигая границы сложившихся стереотипов, при помощи стратегий убеждения складываются иные фреймы, сквозь которые человеку предлагается смотреть на мир и на самого себя. Согласно подобным стратегиям действует, в частности, столь популярная в наши дни шестишаговая модель рефрейминга, разработанная Р. Бендлером и Дж. Гриндером.

Бендлер и Гриндер определяют рефрейминг как специфический прием обращения к определенным частям нашего сознания, связанный с перестройкой механизмов восприятия. Они различают рефрейминг содержания и рефрейминг контекста. Рефрейминг содержания основывается на изменении ценности получаемых субъектом сообщений (представлении получаемой им информации с позитивной точки зрения либо с иной выгодной ему стороны). Изменению поддается не сам стимул (сообщение), но его смысл. Рефрейминг

содержания предполагает психологическую работу над изменением ощущений, следствием чего происходит изменение болезненной реакции человека на определенного типа события. В случае с рефреймингом контекста изменению поддается контекст передачи определенного типа сообщения. Первоначальное сообщение не меняется, происходит подбор ситуаций, в которых данное сообщение (желание, действие, поведение и т.д.) приобрело бы наиболее удачный оттенок. Тем не менее, можно считать данное деление весьма условным: опытный специалист может комбинировать оба вида рефрейминга в зависимости от ситуации (здесь и сейчас), которую задает ему объект воздействия.

Но гораздо важнее предложенная этими авторами шестишаговая модель рефрейминга. Они продолжают традиции социально-ролевого анализа в социальных науках и исходят из допущения, что личность человека разбита на множество частей, которые пребывают в состоянии взаимодействия. При этом нередки ситуации, в которых одна из этих частей отказывается выполнять присущие ей функции и всячески препятствует успешному взаимодействию человека с другими людьми, приводит его к повторяющимся конфликтным ситуациям. Шестишаговая модель рефрейминга направлена на выявление такой части и установление с ней коммуникации. Бендлер и Гриндер предлагают шесть шагов, проделав которые, человек сможет путем погружения в собственное сознание принять на себя ответственность за свое поведение, найти источник жизненных проблем и неурядиц в самом себе и выработать стратегии, позволяющие ему сформировать максимально неконфликтный и рациональный тип поведения[См.: 1].

Для Бендлера и Гриндера рефрейминг – это соответствующие техники, применяемые специалистами-психологами. Однако более верным мне кажется утверждение, что рефрейминг применяется всеми людьми без исключения в определенных жизненных ситуациях. И рефрейминг таким образом означает собой не столько эмоциональное окрашивание реальности «в светлые тона», сколько возврат к реальности: положению вещей, каковое имеет место

быть. Восприятие при этом оказывается вторичным фактором. В результате проведенного рефрейминга уже не восприятие формирует собой реальность, а реальность безжалостно вторгается в восприятие.

Фреймирование чаще происходит на бессознательном уровне – как воплощение воображаемого в алгоритмах действия человека, лишенное со стороны действующего субъекта какой-либо рефлексии или оценки. Рефрейминг же, напротив, представляет собой сознательную процедуру по возвращению к «подлинной» реальности (подлинной настолько, насколько она воспринимается таковой самим человеком), он связан с механизмами оценивания и является значимым моментом в восприятии человеком каких-либо ситуаций. Именно поэтому рефрейминг в определенных ситуациях может оказаться куда более опасным, нежели фреймирование. По сути, это фреймирование в квадрате, когда на одну область смыслов накладывается другая, объясняющая или интерпретирующая ее, в результате чего первоначальное фреймирование оказывается не столько снятым, сколько вытесненным в глубинные области сознания. К тому же нельзя не обратить внимание и на следующий момент: если фреймирование чаще проводится бессознательно, т.е. субъект не ставит перед собой четкой цели воздействовать на своего партнера/собеседника, то рефрейминг – это уже вполне сознательные процедуры, выполняемые людьми (соответственно, возникают определенные этические моменты, связанные с самой возможностью и необходимостью его применения). Рефрейминг пропагандирует себя как способ заставить человека «взглянуть на мир правильно» (именно так заявляют Бендлер и Гриндер), но почему-то вопрос о критериях адекватности восприятия реальности авторами данных методик не ставится. Они смело заявляют: «Рефрейминг – это не надувательство. Он действует потому, что соответствует благоустройству личных потребностей. Потребностей конкретного человека. Это не способ обмана. В действительности рефрейминг правилен. Наилучший рефрейминг – это такой, в котором человеку предлагается столь же правильный взгляд на мир,

как его прежний взгляд. Новая рамка не обязательно должна быть более правильной, но никак не может быть менее правильной»[1, 48].

В случае с психоанализом вторжение в сознание индивида может оказывать благотворное действие – но какие последствия может нести собой рефрейминг, проведенный опытным менеджером? экономистами? и наконец, политиками? Результатом такого рефрейминга может выступать травма, нанесенная как конкретному человеку, так и неограниченному кругу лиц. Вообще, изучение травмирующего опыта должно быть следующим этапом исследования фрейм-стратегий. Травматическое событие во многих случаях выступает начальной точкой для применения рефрейминга, но никогда не стоит забывать о том, что оно может выступать и его последствием. И трудно не согласиться со следующим утверждением: «Событие травматично не столько потому, что оно ужасно, сколько потому, что оно непостижимо, потому, что оно бросает вызов пониманию, встряхивает и разрушает базисные допущения о мире, особенно самые хрупкие из них, согласно которым мир осмыслен, Я – позитивно, а другим можно доверять и сочувствовать. Травма остается в культуре знаком невозможности полного знания, концентрируя в себе истину события, ускользающую от опосредования и ассимиляции коллективным или индивидуальным мировоззрением» [8, 906]. Подлинный рефрейминг осуществляет не конкретный специалист. Подлинный рефрейминг осуществляет сама реальность, возвращая в свои тиски неокрепшее сознание.

Заканчивая разговор о фреймировании как стратегии воображаемого, заметим, что не стоит воспринимать его в исключительно негативном свете. Фреймирование обеспечивает не только стандартизацию деятельности, но и существование социального порядка как такового. Гофман отмечал, что благодаря стратегиям фреймирования рождаются самые разнообразные модели восприятия социальной реальности: «Фреймирование не столько отделяет релевантное от нерелевантного, сколько открывает возможность разнообразия. Разные люди обладают разной способностью к восприятию изменений в

исходном определении ситуации. Эти изменения придают целому отрезку деятельности звучание, отличающееся от схемы восприятия, предписываемой базовым определением» [6, 310]. Фреймирование тем самым выступает не только результатом работы соответствующих стратегий, но и основанием восприятия человеком разного рода событий и социальных явлений.

Реальность является результатом операций фреймирования, стратегий, позволяющих придать воображаемому характер реально происходящего (вернее, произошедшего). Она воспринимается нами сквозь призму ретроспективного анализа, не просто как получение информации, но как соотнесение полученной информации с нашими предшествующими знаниями. Говоря о реальности социального, огромное значение для нас будет играть фактор существования социальной памяти, задающей не только координаты нашей жизнедеятельности, но и темпоральность самого общества. Стабильность социальной памяти (думаю, она также существует в виде структур значений) – гарант стабильности всего общества. Большую роль в процессе такого рода структуризации играет чувство доверия.

Утверждая «виртуальное реальное» как процессуальность социальности, мы будем вынуждены пересмотреть взгляды само на общество (и социальность в целом). Мы будем настаивать на том, что социальность представляет собой процессуальность в чистом виде, тогда как общество (вернее: то, что принято в социальной теории понимать под обществом) является всего лишь калькой социальности.

1. Бендлер Р., Гриндер Дж. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий. Воронеж, 1995.
2. Бейтсон Г. Экология разума. М., 2000.
3. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М., 1994.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006.
5. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб., 2011.

6. *Гофман И.* Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.
7. *Серто М. де* Изобретение повседневности. СПб., 2013.
8. *Трубина Е.Г.* Множественная травма // Травма: пункты. М., 2009.
9. *Хульст М. ван, Яноу Д.* Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фрейм-мирования // Социологическое обозрение. Т.10. №1-2. 2011.